

Повести об Аполлоне Тирском) на Руси и быстрая ассимиляция некоторых из них с национальным устным народным творчеством? Этот вопрос, намеченный И. Матлем, должен быть разрешен совместными усилиями советских и зарубежных медиевистов.

Установление непосредственного источника при изучении переводного произведения — лишь начало историко-литературного исследования. Необходимо затем восстановить литературную историю произведения на русской почве после тщательного анализа по мере возможности всех сохранившихся списков. Полнота изучения очень важна: только такой путь дает возможность выявить то своеобразное, что внесли в произведение не только переводчик, но и многочисленные позднейшие редакторы и переписчики, помогает раскрыть национальную специфику содержания и стилия, сближающую переводное произведение с оригинальной литературой.

При изучении, например, такого жанра, как летопись (хроника), важен не только полный перечень заимствований из иноземных источников, но также установление принципа отбора исторических известий и сказаний, характер их обработки. Последнее одинаково важно при исследовании значения русской «Повести временных лет» для Яна Длугоша и при изучении судьбы польских хроник Бельского, Меховского, Стрыйковского в русской литературе.

При изучении переводного рыцарского романа на русской почве можно ставить цель — проследить эволюцию персонажей, проблематики, стиля в тесном взаимодействии с русской устной народной поэзией (былина, сказка) и литературной традицией (воинская повесть, богатырская повесть XVII—XVIII вв.).

Литературная история переводных произведений и отражений в ней элементов русской исторической действительности и общего хода русского литературного развития до сих пор почти не привлекали внимание исследователей. С этой точки зрения мало изучены многие жанры переводной литературы: агиография, апокриф, легенда, рыцарский роман.

Между тем русские эпизоды в чудесах Николы являются образцами раннего бытового повествования, а чудо пророка Илии в Нижнем Новгороде начала XV в. не только содержит много ценных реалий, но является интересным образцом эмоциональной повести этой поры.

С другой стороны, в русские редакции Повести о Бове включаются элементы, отражающие русскую действительность, общественный и семейный быт XVII—XVIII вв.: строительство новой столицы по приказу молодого государя, вторичные похороны отца героя, описание празднеств, любовные сцены и т. п.

Интересно поставить при изучении переводных произведений XVII в. более общие вопросы о связи их с русским историко-литературным процессом: как соотносились они с общими проблемами, наметившимися в русской литературе этой поры («открытие» человеческого характера, художественный вымысел, интерес к человеческой личности). Думается, что во многих случаях в оригинальных и переводных произведениях решались аналогичные проблемы. Не случайно именно в XVII в., когда создаются многие произведения русской антиклерикальной сатиры (Калязинская челобитная, Служба бабаку, Кур и лисица и т. д.), руссифицируется и Повесть о Бражнике, а фацеции, переведенные с польского языка, воспринимаются как «утешки московские», т. е. сближаются с русской юмористической.

Следует также задуматься над вопросом, всегда ли отбирались переводные произведения по принципу подобия. Нет сомнения, что наличие

